

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Л.Н.ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Н. Н. АКОПОВОЙ, Н. К. ГУДЗНЯ,
Н. Н. ГУСЕВА, М. Б. ХРАПЧЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

Л.Н.ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ДЕТСТВО
ОТРОЧЕСТВО
ЮНОСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

Вступительная статья
Н. ГУДЗИЯ

Примечания
Е. КУПРЕЯНОВОЙ

Оформление художника
Б. МАКИНА

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Когда пятьдесят лет назад не стало Толстого, боль утраты и скорбь испытали не только вся передовая Россия, но и все культурное человечество.

Толстой — один из величайших художников мировой литературы. Его гениальность — в необычайной широте охвата жизненных явлений, в глубине проникновения в процессы, совершавшиеся в русской действительности, в непревзойденном мастерстве психолога-реалиста. Толстой как никто, может быть, сочетал в себе силу могучего творческого дарования с необычайно высокими моральными требованиями к себе, к своей личности художника-творца.

В Толстом наиболее явственно воплотились драгоценные традиции русской литературы, традиции искусства, в котором эстетика неотделима от этики, искусства, утверждавшего служение человечеству, народу как норму, как идеал личного поведения.

Почти на самом пороге своей литературной деятельности Толстой говорил: «Предмет сочинения должен быть высокий». Это почти то же, что сказал Пушкин:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

А в пору своего духовного кризиса Толстой писал: «Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить

и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрет. И потому страдание и самоотвержение всегда будет уделом мыслителя и художника... Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает». Еще в юности Толстой верил, что «все сочинения, чтобы быть хорошими, должны... выпетаться из души сочинителя», а позже неоднократно повторял, что художник должен писать лишь о том, что сам страстно любит, чему верит и о чем не может не писать. В старости он говорил, что «писать надо только тогда, когда каждый раз, что обмакиваешь перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса».

Для него творчество было средством познания жизни и людей и одновременно средством самопознания, способом до конца разобраться в тех вопросах, которые волновали его как художника и мыслителя, кровно заинтересованного во всем том, что выдвигалось живой, подчас весьма сложной современностью. Творчество никогда не было для Толстого самоцелью, а лишь наиболее надежным способом постижения истины, проникновения в суть окружающего его мира. Это прекрасно выражено в его письме к Н. Н. Страхову по поводу «Анны Карениной»: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, — писал он, — то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, — сначала...»

Путь Толстого-писателя — это путь непрерывных исканий, душевных тревог, глубоких раздумий, творческих переработок, казалось бы, уже завершенных произведений, путь художника, страстно желающего во всем, говоря словами Ленина, «дойти до корня».

Этим стремлением с наибольшей ясностью выразить мысль, побуждавшую его к творчеству, можно объяснить не имеющий аналогий в мировой литературе особенно сложный процесс творчества Толстого. Начиная со своего литературного дебюта «Детства» и кончая написанным уже в глубокой старости «Хаджи-Муратом», Толстой шел к воплощению своего замысла через груды черновиков, неоднократных возвращений к написанному. Он перечеркивал, переделывал, перерабатывал то, что другому, менее взыскательному, художнику могло казаться уже вполне завершенным творением.

От писателя, от служителя искусства Толстой требовал безусловной искренности и правдивости. Страстность Толстого

в обличении общественной несправедливости, искренность в постановке самых животрепещущих вопросов современности отмечал Ленин в своих статьях с Толстом. Его мировое значение как писателя, его широкую известность как мыслителя и проповедника Ленин объяснял мировым значением русской революции 1905—1907 годов. В таком истолковании деятельности Толстого содержится его высочайшая оценка. Ленин утверждал нас в мысли, что только писатель, чутко прислушивавшийся к гулу «народного моря», к тому, куда роет «крот истории», всего себя отдавший служению своему народу, может считаться подлинно великим, чье наследство будет жить в веках.

Великие художественные творения Толстого — вершина русского классического реализма. Неутомимыми поисками жизненной правды, той «правды», которая еще в раннюю пору его духовного и литературного развития стала его любимым героем, остротой социальной критики, глубочайшим проникновением в тайны душевной жизни человека, силой художественного мастерства Толстой поднял реалистическое искусство на небывалую высоту. Его творчество, говоря словами Ленина, представляет «шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Толстой не знал усыпляющей лени в своей мыслительной работе. Его несравненное писательское трудолюбие сказывалось, пожалуй, не только и не столько в том, что он без устали переделывал и отделывал написанное им, сколько в том, что он не престанно находился в усиленном умственном напряжении, которое проникает его многочисленные дневники и записные книжки. Работая над романом из эпохи Петра I, Толстой жаловался Фету на то, что он тоскует и ничего не пишет, а между тем мучительно трудится. «Вы не можете себе представить, — писал он, — как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я *принужден* сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них ^{1/1000000}, ужасно трудно. И этим я занят».

Вот эта глубокая пахота поля, на котором вырастали богатые литературные всходы, работа, укреплявшая и обострявшая художественную наблюдательность Толстого, и была первопричиной той силы, самобытности и новизны его реалистического мастерства, которые сразу же были поняты и оценены его современниками. Редко чьи творческие дебюты сопровождались таким

успехом и таким общим признанием, как первые литературные творения Толстого. Его выступления в печати с повестями «Детство», «Отрочество» и «Военными рассказами» вызвали восторженные отзывы писателей и критиков и поставили имя Толстого в один ряд с крупнейшими именами современной ему русской литературы — с именами Тургенева, Гончарова, Островского. Некрасов открыл ему дорогу в литературу, напечатав в «Современнике» «Детство», а затем ряд других его произведений. Он сразу же почувствовал в начинающем писателе большое художественное дарование и увидел в нем одновременно и продолжателя лучших передовых традиций русской литературы, и художника-новатора, тесно связанного со своим временем, с той исторической эпохой, в которой они оба жили и действовали. Спустя всего три года после того, как Толстой вступил на литературный путь, Некрасов уже писал о том, что не знает писателя, который заставил бы себя любить больше, чем любят его, Толстого.

Среди тех, кто сразу высоко оценил молодого автора и предвещал ему счастливое будущее, был и Тургенев, восторженно отзывавшийся о его первых литературных опытах.

Однако никто так горячо не приветствовал только еще начинающего свою писательскую жизнь автора, не напутствовал его с такой душевной щедростью, как это сделал в отношении Толстого его сверстник, вождь русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский. В написанном Толстым за четыре года он увидел «прекрасную надежду» для русской литературы и предсказал, что все это еще «только залогов того, что совершит он впоследствии», но и эти залогов «богаты и прекрасны».

С необыкновенной точностью и проникновенностью определил Чернышевский особенности Толстого-художника. Он отметил у него «глубокое знание тайных движений психической жизни», способность тонко улавливать «психический процесс, его формы, его законы», необыкновенное умение изображать «диалектику души», «едва уловимые явления внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и неистощимым разнообразием», дар передачи душевного состояния через «внутренний монолог». Особо отметил Чернышевский «чистоту нравственного чувства», придающую произведениям Толстого высокий моральный пафос и внутреннюю значительность. Дальнейшее творчество Толстого полностью подтвердило справедливость прозорливого предсказания Чернышевского.

Реалистическое мастерство Толстого, пристальность его интереса к внутреннему миру человека, своеобразие его художественного таланта отмечали также и многие другие современники.

Толстой был зеркалом русской крестьянской буржуазной революции и отразил не только сильные, но и слабые ее стороны. «Великое народное море, — образно писал В. И. Ленин, — взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого». Толстой был силен как критик и обличитель и слаб как проповедник утопического и реакционного учения о спасении человечества непротравлением злу насилем. Он «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» (В. И. Ленин). Высоко ценя Толстого как великого художника слова и не скрывая реакционности его религиозно-философской доктрины, Ленин, отзываясь на его кончину, писал, что в «его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему», и это наследство, известное в то время «ничтожному меньшинству даже в России», должно стать «достоянием всех». Ленин не сомневался в том, что будущий социалистический переворот в России сделает величайшие достижения национального искусства и национальной культуры доступными всему народу. Предвидение Ленина полностью сбылось. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила пропасть между культурой и трудовым народом и, сделав творчество одного из величайших сынов русского народа действительно «достоянием всех», способствовала росту его мировой славы.

Художественное наследство Толстого обогатило не только русскую, но и общемировую литературу.

Собственный писательский опыт подсказал ему те требования, которые он предъявлял художнику слова. По его глубочайшему убеждению, художник должен быть учителем жизни, надежным советчиком в исканиях истины. Потому-то для Толстого искусство было не забавой, не прихотью эстета или экспериментаторством декадента, а насущной потребностью, необходимой духовной пищей. Отсюда та повышенная взыскательность, с которой он относился к художественному творчеству вообще и еще больше к своему собственному. От художника слова Толстой требовал, чтобы он страстно любил свой предмет и добивался

совершенства своего мастерства, воплощая содержание создаваемых им произведений в новые художественные формы.

Толстой неоднократно говорил, что настоящий художник должен показывать жизнь так, как она до него еще никем не была показана, должен открывать такие стороны действительности, которые еще не были известны. Толстой сам был как бы первооткрывателем того, что никому, кроме него, не по силам было открыть в душевном мире человека, в природе, в общественных отношениях.

Толстой не доверял ничему тому, что не было проверено его собственным внутренним опытом, не было впервые узнано и понято им, освобождено от условных и потому ложных мерок и оценок. Для всего этого нужны были необыкновенная зоркость взгляда и наблюдательность, сознание своей абсолютной свободы от того, что завещано преданием, нужна была большая смелость мысли. Даже общеизвестное приобретало под его пером такое необычное, волнующее звучание, что воспринималось как нечто совсем новое.

Толстой верил, что способность познания мира у человека беспредельна, так же как беспредельны и возможности художественного ее выражения, и потому требовал от художника не только того, чтобы он сказал свое новое слово, но и облек свою мысль в новую, им самим найденную художественную форму. «Писать надо только тогда, — говорил он, — когда чувствуешь в себе совершенно новое важное содержание, ясное для себя, но непонятное людям, и когда потребность выразить это содержание не дает покоя». Ему принадлежит и другая мысль: «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразно, то также — и их форма». Но форма, по его мнению, должна органически вытекать из содержания и подчиняться ему. В 1890 году он записывает в дневник: «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе... Надо заострить художественное произведение. Заострить — и значит сделать ее (Толстой имеет в виду комедию. — Н. Г.) совершенно художественно».

Вся многообразная творческая деятельность Толстого была подчинена желанию всеми доступными искусству средствами вторгнуться в жизнь и помочь людям найти ответ на самые существенные вопросы, какие, по его мнению, выдвигала перед ними жизнь.

После выхода романа «Война и мир» имя Толстого приобрело мировую известность. Выдающиеся писатели восторженно встретили творение нового, еще незнакомого им русского писателя. «Это перворазрядная вещь! Какой художник и какой психолог! — взволнованно писал Флобер в письме к Тургеневу, — у меня были возгласы восхищения во время чтения... Да, это сильно, очень сильно!» Мопассан утверждал: «Нам всем следует учиться у графа Толстого, автора «Войны и мира». Золя и Франс выступают со статьями о Толстом, Ромен Роллан завязывает переписку с Толстым, и начало его писательского пути проходит под серьезным духовным воздействием Льва Толстого.

Юношей, в 80-х годах прошлого века, когда произведения Толстого впервые стали широко известны за границей, Роллан познакомился с ними, и они произвели на него неотразимое впечатление. «В несколько месяцев, в несколько недель, — вспоминает он, — перед нашими глазами раскрылось творчество одной великой жизни, в которой отражался целый народ, даже целый новый мир... Это были как бы врата, раскрытые в безбрежную вселенную, великое разоблачение жизни. Никогда еще подобный голос не раздавался в Европе». Уже будучи зрелым художником, Ромен Роллан говорил, что «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича» были для него дороже всех великих произведений французской литературы.

Один из крупнейших немецких писателей Томас Манн, имея в виду Толстого, писал: «Мощь его повествовательного искусства ни с чем не сравнима; каждое соприкосновение с ним... вливает в талант, обладающий восприимчивостью, потоки силы, бодрости, первозданной свежести. Подобно тому, как он сам, Антей, при каждом прикосновении к матери-земле обретал в себе крепость изумительного художника, так и для нас его могуче-безыскусственное творчество — это сама земля, сама природа, появляющаяся в новом обличье; перечитывать его... значит спастись от соблазнов манерности и болезненной игры, возвращаться к потокам естественности и здоровья, находить их в самом себе».

Широкую популярность имя Толстого приобрело в Англии и Америке. Еще в 80-х годах в Англии пропагандировал произведения Толстого известный критик Мэтью Арнольд. В начале XX столетия Эйльмер Моод дал образцовые переводы произведений Толстого на английский язык и написал двухтомную его биографию. Такие выдающиеся английские художники, слова, как Томас Гарди, Бернард Шоу, Голсуорси, испытали влияние твор-

чества Толстого. Голсуорси говорил, что если бы нужно было назвать величайший роман в мире, то он назвал бы «Войну и мир». Творческая манера Толстого несомненно оказала влияние на Голсуорси, автора «Саги о Форсайтах». Бернард Шоу признавался, что в его драматургии заметно воздействие толстовской «Власти тьмы». Толстой, как автор «Смерти Ивана Ильича» и «Крейцеровой сонаты», по словам американского писателя Теодора Драйзера, произвел на него потрясающее впечатление. Отзвуки толстовских тем встречаются и у другого американского писателя — Хемингуэя.

Значительную роль в судьбах польских писателей — Пруса, Жеромского, чешских — Ирасека, Пуймановой, болгарских — Вазова, Стоянова сыграло изучение ими наследия Толстого.

Большую популярность приобрел Толстой и в странах Востока. О нем и его произведениях восторженно отзывались китайские писатели Лу Синь, Го Мо-жо, Мао Дунь, высоко ценили его в Японии, где особою популярностью пользовался роман «Воскресение». В Индии с особым интересом были встречены религиозно-философские сочинения Толстого, которые во многом были созвучны выдающемуся общественному деятелю Индии М. Ганди. И во многих других странах Азии и Африки имя Толстого окружено исключительной любовью и уважением.

Всем этим далеко не исчерпывается то, что можно было бы сказать о влиянии Толстого в различных странах мира.

Общеизвестно, какое огромное воздействие оказал Толстой-художник на развитие русской литературы. Оно обнаруживается в творчестве Гаршина, Чехова, Куприна, Бунина и многих других русских писателей. Выдающийся классик украинской литературы Иван Франко называл Толстого одним из своих учителей. Влияние художественного метода Толстого можно усмотреть также и в ряде произведений советских писателей — Фадеева, Шолохова, Федина, Сергеева-Ценского.

Упрочению и расширению популярности Толстого на родине и во всем мире способствовала поистине грандиозная программа издания его сочинений, осуществленная за годы советской власти. Не считая вышедших миллионными тиражами отдельных произведений Толстого, за 40-летие советской власти выпущено пять собраний его сочинений, рассчитанных на широкий круг читателей, а также не имеющее себе подобных в Советском Союзе уникальное Полное собрание сочинений в 90 томах. Вся богатейшая сокровищница творчества великого художника стала доступной

читательской аудитории всего мира. Художественные произведения, из которых большинство тщательно проверено по рукописям, освобождено от ошибок и искажений, вкравшихся и во время их переписки и во время печатания, варианты и черновые наброски, шедевры, задуманные, но оставшиеся незавершенными, взволнованные статьи, обличающие «людоедский строй» собственнического общества, и статьи, нередко проникнутые противоречиями ищущей мысли великого правдоискателя, — все это стало неотъемлемой частью нашей культуры, нашей духовной жизни.

Пять собраний сочинений, выпущенных различными издательствами в советское время, были собраниями только художественных произведений писателя. Теперь, после того, как завершено 90-томное полное собрание сочинений Толстого академического типа, возникли объективные условия для того, чтобы осуществить такое издание сочинений Толстого для широкого читателя, в котором писатель был бы представлен во всем многообразии его творческой деятельности. Эту задачу призвано выполнить настоящее 20-томное собрание сочинений, приурочиваемое к отмечаемой во всем мире дате — пятидесятилетию со дня смерти Толстого.

Двадцать томов нового собрания сочинений познакомят читателя с Толстым-художником, с Толстым — критиком и теоретиком искусства, с Толстым — публицистом и мыслителем.

Первые четырнадцать томов отведены художественным произведениям Толстого.

В пятнадцатый том входят известные трактаты Толстого «Что такое искусство?» и «О Шекспире и о драме», статьи о русских и зарубежных писателях — Чехове, Эртеле, Семенове, Мопассане, Поленце. Во всех этих работах нашли свое выражение взгляды писателя, всю жизнь стремившегося определить принципы большого народного искусства.

Два тома отведены публицистике Толстого. К публицистическому творчеству Толстой обратился в самые первые годы вступления на писательский путь. Он начал с написанного в 1855 году проекта реформирования русской армии и кончил гневными обличительными статьями, в которых требовал передачи земли народу, уничтожения всяческого гнета, выражал страстное возмущение смертной казнью, разбушевавшейся политической реакцией.

Толстой в течение своей жизни написал около 10 000 писем. Его корреспондентами были почти все выдающиеся русские писа-

тели: Тургенев и Некрасов, Фет и Григорович, Чернышевский и Герцен, Эртель и Куприн, Короленко и Горький, Андреев и Бунин, Щедрин и Лесков, многие художники Запада, такие, как Ромен Роллан и Бернард Шоу. К нему обращались со своими горестями, обидами, недоуменными вопросами тысячи обездоленных и оскорбленных, представителей того великого «народного моря», с которым Толстой был связан крепкими и тесными узами в течение всей своей долгой жизни. Наиболее значительные письма составляют два тома нового собрания сочинений Толстого.

Начиная с юности и до последнего дня Толстой вел, иногда с перерывами, дневник. Здесь мы находим его суждения о литературе и искусстве, о прочитанных книгах, философские размышления, записи о фактах и событиях личной жизни и жизни близких ему людей, о своих душевных переживаниях, отклики на политическую и общественную злободневность. Сюда же Толстой записывал замыслы задуманных им произведений. Дневники Толстого, составившие в 90-томном издании тринадцать томов, позволяют проникнуть в глубины интенсивнейшей духовной жизни того, кого Горький называл «самым сложным человеком XIX века». Наиболее значительные дневниковые записи, раскрывающие внутренний мир Толстого, рассказывающие о событиях его личной и общественно-литературной жизни, входят в последний, двадцатый том собрания его сочинений.

По своему научному уровню настоящее издание является шагом вперед по сравнению с предыдущими массовыми изданиями сочинений Толстого. Тексты его произведений, которые не сверялись систематически с автографами или вовсе не проверялись по автографам, как это было с текстом «Войны и мира», в настоящем издании тщательно проверены по всем рукописям и прижизненным изданиям. Каждый том сопровождается обстоятельными историко-литературными статьями и примечаниями. Они знакомят читателя с историей создания произведений Толстого, раскрывают их художественное значение, сообщают о самых значительных отзывах о них современников.

Н. Гудзий

ДЕТСТВО

